

Сказки в стиле Сюр

Килунин Кирилл

Кирилл Борисович Килунин

Сказки в стиле Сюр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34836622

SelfPub; 2023

Аннотация

Это сказки, в которых грань между реальностью и погружением в инобытие звеняще тонка, они сюрреалистичны, по-детски наивны, жестоки и добры, здесь Ангел последней надежды проклинает свое предназначение, у истории про Красную шапочку оказывается совершенно другое начало, плывет в своей тростниковой лодке без весел Клеопатра, где-то между жизнью и смертью, падает с неба Антуан Экзюпери, сломав свои крылья, выходят из желтого тумана Злые ловчие и только любовь может спасти бездомного кота от их приближения... Обложка сгенерирована самостоятельно с помощью нейросети Сбер Кандинский. Использование картинки разрешается правилами этой нейросети.

Содержание

А он идет...	4
Смерть и змея (Судьба Клеопатры)	20
Страшная сказка...	28
Он всех обманул	39
Лебединая стая	42
Я всегда буду рядом	48
Черный треугольник (В поисках Анны)	51

Кирилл Килунин

Сказки в стиле Сюр

А он идет...

Один шанс на миллион, возможность победить, и в этот раз вырвать из надвигающейся пустоты его или ее душу...

На пороге появились двое стражей, на пороге его тюремного чертога...

– Ну, что, не бежал, вояка, – вздохнул первый, коротко стриженный и коряжистый, чем-то неуловимо смахивающий на пещерного тролля с Анских гор.

– Куда же он уйдет, – ухмыльнулся второй страж, нежно, словно женский стан, поглаживая рукоятку короткого меча – спады.

– Уйти, возможно, отовсюду, только не от самого себя, – ответил Тавр, и открыл глаза. – Чего надобно, гарные хлопцы?

Лица вошедших от чего то сразу стали серьезны, коряжистый страж еще больше ссутулился, а второй, рыжий, гладивший спаду, неуловимо похожий на Хальга, отвел взгляд и подобрался.

Все же они – всего лишь стражи, а он – витязь Синей сотни, которому снова предсказан путь.

– Шеф вызывает, есть работа...-, прохрипел рыжий, похожий на Хельга.

– Почему я? – так же тихо и хрипло, словно прошептал Тавр. Он не спрашивал у этих двоих, он не спрашивал у самого себя, потому что знал ответ, он спросил у Судьбы, зная, что она промолчит. И двое стражей знали, потому и расступились молча, выпуская его на божий свет.

И Божий свет принял его – Тавра по прозвищу Топор, витязя, бойца Синей сотни, того, кто часто ходит на самый край смерти. И снова готов идти туда...

*

Светлый терем, командный пункт базы, Световидов чертог – кабинет шефа, на стенах, в которых большую часть места занимают огромные оконные витражи, выложенные желтым, алым и синим хрусталем, несколько полотен в стиле морской баталистики 18 века. Ходили слухи, что шеф был морпехом, но, глядя на эти полотна, Тавр решил для себя, что карьера шефа, Сидора Волка, началась гораздо раньше, чем появился сам термин – морская пехота. Глядя на его холодные голубые глаза, Тавр ни смотря на свои три сотни лет службы, чувствовал себя зеленым новобранцем, на плацу, замершим с раскрытым ртом пред бывалым боевым генералом. А ведь ему..., «нет, столько не живут», ухмыльнулся Топор глупым мыслям. Какой морпех, для него, похоже, и Рыжий Хельг – мальчишка, не удивлюсь, если он сражался еще в Проклятых землях во времена могущества Атлантиды

и загадочной страны МУ.

– Вызывали? – Тавр уселся без спроса, по привычке развалившись в старом резном дубовом кресле, стоявшем как раз напротив Сидора Волка, шефа, командира Синей сотни.

Волк отвел свой взгляд созерцающий, одну из картин, на которой в бушующем море, ошестинившись рядами хищных кормовых орудий встретились, сошлись в смертельной схватке два корвета под флагами враждующих меж собой держав, про которые сейчас уже никто и не вспомнит. Волк посмотрел на Тавра в упор, глаза в глаза:

– Нашел время буянить, мальчишка!

– Я, – Тавр хотел сначала возмутиться, вспылить, но, смешавшись, лишь тихо прошептал, – Все...

– Что, все..? – спросил шеф, не раскрывая рта, уже не так жестко, как в первые секунды начальственного гнева, по-отечески... с пониманием и затаенно тоской.

– Все проходит, и это прошло... ОНО...!

– Я понимаю, сам ходил не раз, – прорычал Волк. Сменив милость на гнев, не отводя своего тяжелого взгляда от глаз Тавра, – Но и ты пойми:

– Если не мы, то кто?! Ведь мы...

– Да, мы – это мы..., – легко согласился Тавр, – И если не мы, то никто... Есть дело?

– Да...

– Когда вступать?

– Сейчас. Когда же было иначе...

– Понятно, а можно..?

– Нет! – резко отрезал шеф. – Все, что необходимо при тебе.

– Хорошо, – Тавра словно выбросило из жесткого, не дающего расслабиться, старого дубового кресла. Теперь, это уже был совсем другой человек, или не человек – витязь Синеи сотни, заступивший на путь ведущий к неведомой цели.

*

В спину камуфлы вгрызался ледяной мертвый ветер, когда Тавр открыл глаза, перед ним раскинулся Каменный лес. Вот так начинается Путь. Тавр поправил заплечную перевязь с топором и сделал первый шаг. ...И закружились черные снежинки, падая со стеклянного неба, оставляя на лице угольные разводы, а во рту и опустошенной душе, привкус пепла. Каменный лес – каменные джунгли, каменные звери...

Померкли звуки и цвета, и наступила пустота... – так чувствуют себя те, кто вступает в Каменный лес, затем все нормальные ощущения возвращаются, но уже в искаженном, извращенном, футуристическом виде. И так сложно отличить после этого возвращения истинную угрозу от галлюцинации, вытасченной наружу твоим же животным страхом из самой глубины подсознания.

Серое крошево под подошвой берц, черный снег и шелест каменных листьев.

*

Старики рассказывают, что когда-то очень давно на месте нынешнего Каменного леса был обычный лес, ну скажем не совсем обычный, водилось тут всякое, не очень и темное, ну пара-тройка оборотней вервильфов, русалки, леший знает, говорят, что однажды на эльфийском взгорье видели единорога, но некрупного, так с твою кошку, совсем малютку... Были тут и обычные звери. Еще деревья, множество различных деревьев: вязы, липы, осины, дубы и каштаны, а один, любивший заложить за воротник путник, видел здесь даже океаническую финиковую пальму. Но однажды, на закате года Белого сокола тысячелетия Алой розы, дня Ожидания дождя примчался в славный лес человек с белым лицом подлнца, на огненно рыжем жеребце, растоптал эльфийскую Танцевальную поляну, взбаламутил синюю воду в священном ручье, а затем, протрубив в огромный рог из самого чистого в мире серебра, созвал на Крутом холме всех жителей леса.

– Волшебные существа, и вы, звери, – Взревел он громоподобным басом, – Отныне, ваши земли находятся под рукой моего хозяина, Черного господина.

– Знать не знаем никакого Черного, – возроптали жители леса.

– Никогда волшебный народ не станет служить Злу, – крикнул самый старый в лесу леший Тихомир.

– А что будет, если мы откажемся, – пропищал самый разумный в лесу барсук.

– Откажитесь!?! – всадник на огненно рыжем жеребце рас-

смеялся, таким ледяным пронзающим смехом, что посыпались с неба белые снежинки, – Тогда будет вам ответом камень и пламень... – Рассмеявшись вновь, злой всадник с белым лицом подлеца ускакал, дав лесным жителям три дня срока, на размышление.

Ни кто не знает, что тогда решили жители Волшебного леса, но косвенный ответ раскинулся перед твоим взглядом: камень и пламень, черный снег. Только и у Черного господина вышло все не так, как он хотел. Волшебный лес вместе с его жителями умер, но волшебство осталось, и одинаково опасно стало то волшебство для всякого посмеявшегося в лес войти ..., а еще никто не знает почему, но стали появляться в этом лесу Каменные звери, и сильно не поздоровилось бы тому, кто этих зверей повстречал...

Легенда или сказка, а для бойцов Синей сотни, просто быль появившаяся тысячу лет назад на самой Грани, быль пролегающая бесконечной спиралью практически через все Дороги, ведущие к заветной Цели.

Тавр плотнее запахнул полы плаща, когда черный снег, завьюжив, перерос в черную метель. Но синий витязь не сбавил шага и почему-то совсем не удивился, когда, бесшумно вынырнув из черной метели его дорогу, заступил Каменный зверь...

На этот раз это был медведь, небольшой такой хищник, всего метра три в холке, говорят, среди его вида встречаются и крупнее.

– Может, разойдемся миром, – пытаюсь перекричать непогоду, спросил Тавр.

– Р-р-р-нет, – прорычал каменный зверь.

И это было уже что-то, до этого Каменные звери нападали молча, и ни кто не подозревал об их разумности, и понимании людской речи.

– Я не прошу тебя стать другом, но мы не враги...

– Нет, – прорычал медведь

– Почему?... – в голосе Тавра Топора прозвучала истинная боль. Тавр не привык получать ответы, но на этот раз свой ответ получил.

– Пр-рр-редатели должны умерр-рреть. Тогда мы срр-рражались, до последнего надеясь на вашу помощь, светлые войны. Звер-ри, дерр-ревья, волшебные существа, погибали, уходя один за другим, мои мои медвежата, так кричали, когда с неба падал огонь, но ни один из вас не пришел.... – из глазниц каменного зверя заструились хрустальные мерзлые крупинки, позвякивая, они разбивались, ударясь о застывшую навеки траву. – Вы предали нас, кинув на потеху Черного господина...

– Прости, Брат, я не знал.... – Топор склонил седую голову, за ним не было вины, но стыд, стыд за Светлую сторону, одним из войнов коей он был, – Прости, Брат, но я должен пройти...

– Пр-рр-редатели должны умерр-рреть! Это моя судьба, – проревел Каменный зверь – Я, всего лишь, посланное на вас

проклятие, призванное исполнить священную месть. Я знаю, они этого не хотели, но так вышло, и это – моя суть. Р-р-р, – взревел Каменный зверь и, растопырив огромные лапы, с острейшими кристаллическими когтями, бросился на витязя Тавра, до последнего мгновения не желавшего касаться своего проклятого топора.

Схватка была короткой и яркой. Лезвие топора, звякая, высекало алые искры, ударяясь о каменную тушу зверя, острейшие кристаллические когти уже в двух местах порвали мифриловую кольчужную броню Тавра прикрытую обычной камуфлрой. Но, все-таки, это был не первый его Каменный зверь. И Тавр знал их слабое место, но впервые чувствовал свою неправоту и большее – вину. А впереди была – Цель, и нельзя было и помыслить о том, чтобы проиграть уже первый бой, ни те, что обязательно последуют за ним.

Зажмурившись на сотую долю секунды, синий витязь, вторым своим зрением, увидел мерцающую теплым зеленым огнем, крохотную точку на теле супротивника, и тут же, без замаха, нанес по ней молниеносный удар. Лезвие его топора звякнуло на этот раз как-то иначе, и расколело огромную тушу Каменного зверя надвое, войдя на два добрых вершка в ледяную землю, усыпанную черным снегом.

– Прости меня, Брат, – Тавр коснулся широкой ладонью своего небритого лица, стирая сгустки крови с изуродованной медвежьими когтями щеки, кровь скрывающую его слезы. – Начальный бой, бесславный бой, – шептали его померт-

вевшие губы. Все проходит, и это – пройдет. Надо спешить. Там, его ждут. – И Тавр, поспешил. Но все же, что-то заставило его обернуться. На самом краю поляны... четыре призрачных фигурки – одна жутко большая, массивная, и три крохотных комочка, старый медведь и три медвежонка забавно косолапя медленно, не спеша, поднимались на небо...

– Пусть примет их Вечность коротко помолился Тавр и больше не оборачивался назад, ведь впереди была Черная пустошь...

*

Уже никто не помнил, почему эту часть океанского побережья, усыпанного белым кварцевым песком, перламутровыми раковинами, там, где розовые чайки безмолвно парили меж бродящих дюн, прозвали Черной пустошью. Правда, ходили слухи, что иногда, именно в этом месте, встречаются проклятых Черных волков. Да, именно тех, что ходят на двух лапах и разговаривают, подобно людям. И, именно, легенда о Черных волках, отбрасывала тень Люциферова крыла, на сей благословенный край.

Однако нет ничего лучше океанского бриза, Тавр полной грудью вдохнул солоноватый, прогретый знойным южным солнцем воздух. Не замедляя шага, на ходу свернул походный плащ. Достав из подсумки шматок вяленой оленины, Синий витязь запил ее тарамисовы соком из чеканной серебрянной баклажки, висевшей на поясе с левого бока. Тарамисовый сок был самым сильным энергетиком из разрешен-

ных Поконом, для витязей сотни. Раньше допускалась малая доля любого алкоголя, но в последние сто лет на весь алкоголь ввели табу, слишком многие из бойцов стали спиваться. Даже стальные нервы рвались, словно подгнившие шелковые нити. Тихо поскрипывал белейший песок под черной подошвою армейских берц, Топор выставил упрямый, давно не бритый подбородок вверх, подставляя солнцу свое бледное лицо. Где-то, в пределах взгляда появились невысокие серые скалы, именно там, каждый раз на новом месте появлялась Дверь, пройдя через которую возможно было сразу попасть в пределы, где брал свое начало Предвечный мост, а там уже... но до Моста нужно еще дойти, а этого, так просто сделать, не дадут, сволочи... Интересно, что встанет на его пути сегодня? В прошлые его походы были пираты, стая оголодавших вервольфов, последним стал жутко занудный дракон средних размеров, до умопомрачения пытавшийся то ли сжечь, то ли просто сожрать его, заглотив целиком, в доспехах и с топором. Каждый раз, что-то новое, но всегда одинаково смертельное и опасное, имеющее своей целью одно – задержать, остановить витязя Синей сотни Тавра, и по возможности сделать это навсегда. Что только не было, и только Черных волков не встречал Тавр, и по правде, молился Творцу, чтобы так продолжалось и дальше. Говорят, что встречу с Черными волками, за всю историю Мироздания пережил лишь один человек, и тот, после этой встречи, стал толи ветром, толи ураганом, навсегда перейдя в состояние эфемер-

ного стихийного образа.

Думать, думать нельзя. Долгие раздумья могут помешать на пути к Цели. Воин не имеет право на раздумья, когда есть Путь, это утверждали еще древние восточные мудрецы.

Она появилась со стороны востока, вместе со сменившимся с южного на восточный ветром. Чумазая Афродита в порванном на груди хитоне. Милое белокурое личико, высокая грудь и тонкая талия, из которой росли великолепные ножки, достойный лучшей фотомодели для любого из новомодных журналов в глянцевой обложке.

– Милый рыцарь, злые люди похитили меня, перебив всех слуг, мне чудом удалось бежать... – Он задумчиво вытирал ее слезы полой своего плаща, судорожно соображая, что делать с этой напастью.

– Вы ведь не бросите леди, одну, в этом диком краю... – она так доверчиво взглянула на Тавра, что того перекосило, словно от удара булавой, пришедшегося на голову не защищенную ни шлемом, ни каской.

– Ну, м-м-м-м, – Тавр пытался выдавить из себя любой вежливый отказ, но не находил приемлемого для ситуации ни поступка, ни ответа.

– Мой отец очень богат, – не замечая терзаний витязя, щебетало белокурое небесное создание, – Если вы доставите меня к нему, он не задумываясь, я в этом просто уверена, благословит наш брак.

Наверное, эти слова и стали решающими, Топор резким

взмахом левой руки, с зажатым в пальцах стилетом перерезал девчонке горло. Стилет был заговоренный, с серебряным напылением (последний писк в борьбе с нечистью), и Тавр Топор ожидал всяческих превращений и метаморфоз, что произойдут, с явно подосланным Врагом чудовищем. Но их не было... Значит, это могло быть только одно – он фатально ошибся, и эта девчонка говорила правду, она человек, одна из жителей этого самого мира.

– Нет!!! Не-еет, – зарычал Тавр. Это неправда.

– Да, – отвечало небо и у него был лик одного из воплощений, того, кого среди Светлых принято называть Черным господином, – Это правда, ты мог бы быть с ней счастлив, бросить свою проклятую службу, Цель, и жить в семье как все смертные. Дурак...

– Нет, нее-еет, – кричал Тавр, но зачем так?

– А ты хотел..., – рассмеялось небо голосом Черного господина.

Но Тавр заткнув уши обеими руками, бросился к открывшейся всего в ста метрах от него Двери, пройдя через которую возможно сразу попасть в пределы, где берет свое начало Предвечный мост, он, сдавив свою черепную коробку, силой воли выбросил из головы все недавно случившееся, уже понимая, что оно, несомненно... вернется позже, в его снах, его кошмарах.. так похожих на жизнь.

*

И здесь его ждали... о как, наверное, в первый раз за по-

ный голос.

Скрипела сталь чужих доспехов и его зубов. Удар железных подошв, и первый ряд врагов шагнул с Моста к нему. Опытные войны, одержавшие и при своей жизни, и уже после героической смерти (других на службу к Черному не брали) сотни побед, все без исключения мастера клинка, огнестрельного оружия не признавали в виду его бездействия в мире Моста. Все напоены силой, удалью, безгранично уверены в себе, но у них нет его ненависти, недостойной светлого война. А еще ему стало наплевать на жизнь... свою и чужую, так он совершил еще больший грех.

– Я иду к вам – верещал Тавр, вращая клинком, забрызганный своей и чужой кровью с ног до головы, наверное, тысячу лет назад так же кричали берсекки, кусая края щита, бросая щит на землю, бьась, убивая и не погибая, не погибая и убивая, и снова, и снова...

Берсек, одержимый, убийца, это все Он.

– Я иду к вам...!!!!!! – и ряды Черных дрогнули, они вдруг испытали нечто давно позабытое, недолжное и небывалое – Страх, животный, всепоглащающий, бездумный, безумный... СТРАХ, СТРАХ, СТРАХ. Страх перед этим залитым своей и их кровью воином Светлых, который выглядел ужаснее всех виденных ими демонов Ада. Они дрогнули, все оставшиеся семь десятков бойцов.

Так не бывает, но они расступились, пропуская его...

Так не бывает, но он отказался проходить просто так.

– Я иду к вам!!!!!!

– Замолчи!!!! – сказала Небо, и он замолчал, зарыдал, и, закрыв разбитое лицо руками, еле волоча ноги, затупившийся защербленный топор, и свою рваную душу, тронулся в направлении Света, который брал свое начало, где-то там за Мостом.

– «Он тронулся, кажется, Он, наконец, то тронулся, сошел с ума, спетрил, ума лишился, его спишут со службы и выгонят в сторожа, или хуже того, в стражи». – Ха-ха-ха, но Свет... это в последний раз, нужно дойти, и тогда... еще один шанс на миллион, возможность победить, и в этот раз вырвать из надвигающейся пустоты его или ее душу...

*

Скорая помощь, которую Алена ждала, кажется целую вечность, а в опротивевшей в миг реалии, целых сорок долгих мучительных минут, пришла... И врачи были трезвы, и удивительно компетентны. И, чтобы отнести ее маму в машину с красными крестами не пришлось звать уже спящих в первом часу ночи соседей.

Инфаркт, в сорок лет, этим сегодня уже никого не удивишь, жизнь у нас такая.

Бессонная ночь в ординаторской, и замученный небритый доктор, с удивительными небесно голубыми чистыми глазами.

– Вам повезло, что мы приехали не на пятнадцать минут позднее, иначе, он закрыл свои небесно-голубые глаза, мы

бы не успели ее вытащить..., но вы должны понять у нас одна машина на три огромных района, невозможно успеть везде, – И чуть тише, кажется уже, чтобы убедить и себя, – Это удача, просто всегда нужна последняя Надежда.

*

На лесной поляне, на замшелом старом валуне, глубоко ушедшем в сырую землю, в окружении беспечных сосен сидел, обхватив голову руками, ангел Последней Надежды. Поседевшие раньше срока колючие волосы, упрямый – небритый подбородок, бледное лицо с бывшими когда-то голубее самого неба, а теперь выцветшими глазами, мускулистая, по звериному хищная, поджарая фигура, затаенная в защитную камуфлю и берцы, у его ног огромный смертоносный топор.

*

ОН НЕ СОШЕЛ С УМА...

Смерть и змея (Судьба Клеопатры)

... посмотри в огонь, когда языки пламени танцуют... и ты увидишь все..., что захочешь. Все, все, все – мертвое и живое, все боится Времени. Но само время боится Пирамид...

Ливийская пустыня, там болотистые Бездны и могучий поток – Нил – река жизни, с ее приливами и отливами. Эта история о той, которая... была, есть и будет...

...только она умела так любить и ненавидеть, править целыми народами, покоряться лишь одному мужчине. Теперь свободна и обнажена. Теперь уже ничья жена. Не рабыня, ни человек, но изначально просто женщина – это твоя ипостась Клеопатра. Даже сейчас ты не пала ниц, и речь твоя – дерзость:

– О, Владыка Обоюдной Правды – Великий Осирис. Я стою на краю... Я преемница Величества Ра на земле – я царица Богиня Клеопатра... Все люди вышли из твоего глаза – они смертны. Но я царица Богиня, сама в этот час стою на краю, и каждому из Сорока Двух готова дать ответ. Я не делала Зла, – и чуть тише, прикрыв глаза и сжав кулаки: – Чиста, чиста, чиста... Пусть Гор и Анубис взвесят мое сердце..., пускай скормят Тому у кого тело Льва и голова Крокодила. Клянусь Белым лотосом, я пойму... Но ты, Осирис, ответь мне: – За что все это...? Теперь я перед твоим лицом, а земля египетская дрожит от твердой поступи сандалий рим-

ских легионеров. Я знаю, они уже здесь. Я слышу их. Будь проклят, ты, Антоний. Будь счастлив любимый. – Ты – Владыка моего сердца... я знаю, что Елисейские поля приняли тебя... Будь проклята любовь... Будь проклят ты – Осирис, не дающий ответа.

... от ее волос пахнуло Нилом, а в огромных глазах, в самой глубине двух озер, был уже нездешний свет Загробного мира.

Да, ты царица. Твои движения подобны дуновению ветерка, все так же легки и изящны. Статуэтка – подобна нераскрывшейся Деве, юна величава. Ты прекрасна и неповторима. Ты... Клеопатра.

– Сестра, – раскололись небеса, разразившись сумасшедшим ливнем. – Сестра, – тень священного Ибиса ровно на одну треть мгновения ослепила само Солнце. – Сестра, у тебя иная судьба, – молвил Осирис, решившись на ответ дерзнувшей.

– Да, и что меня ждет... я не хочу ничего. Только ответь мне, назвавшийся Братом: За что?

– Мы, Боги, а твой вопрос так человечесен. Мы, Боги, а значит нужно так. И сказанное дважды: у тебя иная Судьба.

– Какая?

– Это не дело смертных. Я скажу так, чтобы услышала только Ты.....? !

– Я поняла тебя Брат..., но как же Смерть и Змея...

– Твоя рабыня Кхетта очень похожа..., конечно, у нет тво-

ей стати, но это не помеха, чтобы умереть за тебя.

– Итак, Клеопатра умрет.

– Да, Клеопатра будет жить. У нее иная Судьба. Но помни:

Смерть и Змея.

– Да, я поняла Тебя. Брат.

*

Бурный поток и Покой обреченных. Священный Нил и Все воды Мира. Человек без Судьбы – в тростниковой лодке без весел. Поток несет – а Она смотрит в Даль, Она смотрит в Ширь, Она смотрит Внутрь. И этот поток подобен самой Судьбе, ибо он и есть Судьба.

А она? ...а она, бывшая царица, но все еще Клеопатра. Все так же прекрасна, дерзка, и бес... смертна.

*

СКИТАНИЯ БЫВШЕЙ..., От ДНЯ ПЕРВОГО В ДЕНЬ ... БЕСКОНЕЧНО ПОСЛЕДНИЙ

Она спит.

Она спит и видит СНЫ.

Она грезит, а МИР спит.

Она плачет, но НИКТО не смеется.

Никто не спит – НЕТ ничего.

Есть только ПОТОК...

*

Светясь в темноте мертвой зеленою огней, заросший водорослями и морскими раковинами, так близко от нее..., прошел в одну из не считанных ночей курсом на ЗЮЙД-ВЕСТ

странный корабль. На его палубе белые скелеты в истлевших кафтанах танцевали, и пели о каком-то Гранатовом демоне из Маракотовой бездны.

– О, эти мальчишки, ... вечно пьяны, молоды и мертвы, а Клеопатра так хотела видеть живых. Таких, как она... теперь.

*

ОЧЕРЕДНОЙ ДЕНЬ, БЛИЖЕ К НОЧИ. УЖЕ НЕ ОДНА...

Клеопатра очнулась от пронзительного, невыносимого скрипа. Из промозглого тумана выползала неизвестная лодка, а в ней был человек. Человек, живой, воплоти. Заросший, грязный и одетый в тряпье, но Человек.

– Называй меня Клео, – представилась бывшая царица.

–? М-м-м, – человек оказался немым.

«Как прекрасно помолчать, когда есть с кем», – подумала Клеопатра, – «Такой Большой, а сломленный, у него Пустые глаза. Все равно, что мертв...».

Но когда у ног Незнакомца зашевелилось нечто лохматое и пушистое, весело потягивая, Человек ожил. Ломая жесткие губы в неумелой улыбке, он промычал:

– Му-му, – видимо, так звали собачку.

– Зачем ты хочешь ее утопить? – спросили глаза Клео, и взгляд ее полыхнул.

– Возьми ее. Ты, обманувшая Смерть, – отвечали, потеплев, глаза Немого.

– Теперь уже не одна... Я возьму ЕЕ.

– Спасибо женщина, – отвечал немой про себя, и также внутри себя, чуть тише, прикрыв глаза и сжав кулаки:

– Прости Му-му. Прощай Му-му.

Незнакомец уплыл в Туман на своей невыносимо скрипящей лодке, а у ног Клеопатры грустно потягивала милая собачонка, ее глаза говорили:

– Прощай, Герасим. Я люблю тебя...

Му-му, вот ты какая...

*

Красавица яхта «Летучая» задирала нос, смеясь над глубокими волнами. Человек, застывший на палубе яхты, четвертый час смотрел в окуляры бинокля: не притаилась ли где-то среди этих глубин Железная рыба с черным крестом на алом. Эти хищные акулы несли смерть, а он мог... нет, не остановить сам, но помочь другим это сделать. В глазах столько соленой воды, глаза болят. Но он смотрит: в Даль, в Ширь, иногда Внутрь.

– Эрнест, зачем тебе Это? – от волос спросившей пахнуло Нилом.

– «Как хороша... Ты сон, видение, галлюцинация», – решил Хемингуэй.

– Ты не ответил своему Видению, Милый мальчик...

– Если делать что-то в этой жизни, то только Большое дело.

– Это твой Смысл?

– Ты Сон, красивый сон. Хочешь Настоящую правду?

– Да.

– Больше всего во всем Этом, – он махнул в сторону Небес, – Я ценю, а главное, желаю Свободу. А самая большая Свобода – это...

– Знаю. Смерть. Ты ищешь Смерти?

– Нет, я ищу Свободу.

– Я твой сон, который забудешь...

Где-то залаяла собака. Эрнст очнулся:

– Когда в глазах так много соленой воды, грезятся странные сны. Я. Видел Клеопатру, – шептали его губы.

– Прощай, Свободный. Я эхо...

*

Бархатка Ночи, глаза Звезд. В небе бились две Металлических птицы, метя друг другу в глаза, плюясь свинцовым огнем.

Клео сначала решила, что это кто-то из братьев, может, Гор... но птицы полыхнули белым и взорвались в один миг..., а с Неба упал человек...

*

Антуан очнулся от чарующей прохлады, коснувшейся его губ, и почувствовал себя самым счастливым во Вселенной... Это был поцелуй Клеопатры.

– Где я? – спросил Экзюпери.

– Ты Нигде, но Ты со Мной... хочешь моей Любви...

– Да.

– Жаль, что Мы обречены. Отсюда нельзя уйти, или я про-

сто не знаю как.

– У меня был Друг. Он знал Один способ. Но нужна Змея и Смерть...

– Смерть и Змея. Осирис предупреждал, а я не поняла...

– Но, Это, может быть больно... И где взять Змею.

– У меня есть Змея.

– Давай...

*

Антуан, Клео и Му-му стали так невесомы, что с легкостью поднялись выше самой стратосферы. Летая от Звезды к Звезде, они по просьбе Антуана, искали его хорошего Друга, Маленького Принца. А когда нашли, поселились на соседней Планете.

ОНИ дружат, и обожают ходить друг к другу в гости. Клео научилась печь замечательные круасаны, Роза ничуть не ревнует, лишь Барашек и Му-му иногда ссорятся, но мирятся тут же.

*

А МОЖЕТ, ВСЕ БЫЛО ИНАЧЕ...

*

Американский писатель Эрнест Хемингуэй во время Второй Мировой войны патрулировал на своей любимице яхте «Летучая» воды океана, выслеживая немецкие подводные лодки.

*

Французский писатель-летчик, Антуан де Сент-Экзюпери

во время Второй Мировой войны пропал без вести, не вернувшись из ночного вылета.

КТО ЗНАЕТ?

Страшная сказка...

В их окно заглядывала большая алая луна. Ни шторы не свет уличных фонарей не стали преградой, затаившейся внутри этой квартиры тьме. На постели застыли две недвижимые фигуры, они не были мертвы, просто эта ночь взяла так много.., но не забыла вернуть, гораздо больше. И вот утомившись от этого самого – больше, чем страсть, больше, чем желание, и не меньше, чем любовь, они впали в недвижимый ступор, так похожий на смерть.

Его тело было мускулисто, но излишне бледно, ее фигурка – тонка и гибка. А вот глаза, у обоих зеленые, словно две пары изумрудов пронзали ночь.

– Ты просила меня рассказать сказку...?

– Да... И пусть она будет, очень страшной...

– Как пожелаешь.....

– Желаю...

– Значит, случилось эта история, несколько сотен лет назад, сколько, теперь уже и не припомню, да и тебе это не так важно знать.

*

Влюбился один молодой глубокоглазый выюнош в боярскую дочь Милену, а та красавица была статная, да и женихаться пора пришла, пятнадцатый годок ей стукнул, но вот отчим ее замуж выдавать не спешил, а перечить ему кто-либо боялся.

Говорили люди, по дворам, да кабакам, что боярин тот, управитель небольшого княжьего городка, то колдун черный. Говорили и о том, что мало он жену свою, и мать ее загубил, смерти лютой придав, да сердца их сожрав, носится в полную луну тот боярин по местным лесам на здоровом рыжем жеребце в личине перевертня, а за ним значится и вся стая перевертней, и слушают его как своего нечистого волчьего князя, вожака стаи.

Но не испугался молодец по юности своей людских наговоров, а тайком пробрался на боярский двор, да дочку боярскую Милену то и соблазнил. И та душа девица, согласилась с ним от отца бежать, да вот только поведала ему, что люди то понапраслину не разводят, и есть ее отец приемный взаврадашний колдун черный, и слуги, которые у него в холопах ходят, как есть все перевертни – волки. Пригорюнился тут юноша, как ему одному, сироте безденежному, да богатырю невеликому с такой силищей совладать. Увидела, да прочла все эти мысли Милена, на челе своего жениха новоявленного, да говорит:

Не печалься, милый выюнош, расскажу я тебе, как отца моего злодея погубить, а с ним глядишь, и вся стая перевертней сгинет.

Подумал парень и согласился:

Разузнай уж душа девица, как злыдня этого одолеть, а я уж расстараюсь, да все что смогу и сделаю.

На этом и порешили.

И уже к следующей их встрече, принесла душа Милена, своему суженному клинок серебрянный, да молвила на ушко слова, что, мол, сегодня отчим – батюшка, опосля колдовства черного умаялся, да слег без сил, и до луны полной еще не одна седмица, всех слуг своих колдун отослал в лес дремучий с каким-то тайным указом, а сторожить остался всего один волк, с которым такой храбрец, как жених ее названный одной левой справится, потому, как волк то тот увечный, хромой на одну лапу.

Вот так пробрался ночью выюнош славный в боярский дом, перелез только через ограду, а тут на него чудовище поганое и набросилось, но увернулся выюнош от хромого перевертня и ткнул ему клинком серебрянным в самое горло. Захрипел перевертень, да скончался. А тут уж дочка боярская Милена подросла, отвела выюноша в опочивальню отцовскую, где тот в личине черного огромного волчищи спал. Но только вступили они в опочивальню, как проснулся волчище, да закричал диким голосом:

– Кто здесь, – взрыкнул по-звериному. Взблеснули в свете половинной луны его огромные стальные когти и засочилась из его зловонной глотки желтая слюна, и налились его глазницы алым светом.

– Это я батюшка. Это я любый мой запричитала Милена, и обхватила огромного черного волка, повиснув на его могучей шее. А хитроумный, да смелый выюнош в то время, не испугавшись, да подскочив к волку сзади, вонзил ему по са-

мую рукоятку в спину свой серебрянный клинок.

Заверещал тут волк громовым голосом, закапала из его пасти кровь алая, отшвырнул он дочку предательницу от себя, и рухнул на пол терема. Да только собрались наши влюбленные бежать отсюда, куда глаза глядят, да очнулся волк перевертень, да прохрипел, умирая проклятие:

Не уйдете вы далеко, догонит вас моя стая лютая, слуги верные, порвут тебя в клочья щенок, а девка – эта, послужит еще делу темному, – молвил так черный волк и издох.

А молодые, не долго думая, оседлав коня боярского, самого быстрого в округе рыжего скакуна, бросились в ночь... да вот только уйти далеко не смогли. Как не был быстр рыжий скакун, а нести ему двоих было тяжело. А за Миленой да ее женихом неслась уже вся стая, вызванная умирающим волчьим вожаком. Впереди была одна тьма, да сизый туман. Звезды давали мало света, а сзади все громче слышался ужащающий волчий вой. Кап, кап, – капала на тропу волчья слюна, клацали во тьме желтые клыки, стая все ближе и ближе, а у коня все меньше оставалась сил. Вскричал пуще страха лютого в ночи филин, птица колдовская. И тут Милена взмолилась, чтобы юноша бросил ее на растерзание волкам перевертням, а сам скакал дальше один, спасая свою жизнь. Но юноша, сколь бы не боялся, не желал бросать свою любовь. И вот вынеслись они на полном галопе к круглой поляне посреди которой стояла изба, сложенная из вековых сосновых стволов, и решили они укрыться в этой домине, до-

ждать рассвет, когда волки сменят личину, и с людьми им справиться будет легче. Подперли юноша и Милена боярская дочка двери досками, да стали ждать, что будет дальше. Да только убежище их, каким бы надежным не казалось на первый взгляд, держалось от напора целой стаи перевертней из последних сил, прогнившие стволы и доски, готовы были вот-вот рухнуть.

Что делать... решили Милена и ее жених перед смертью обвенчаться, не как в церкви велят, а по покону предков. Разрезала Милена себе клинком серебрянным запястье, то же сделал ее названный жених, и смешали они кровь свою вместе в чаше с вином, и сделали по глотку, став мужем да женою.

И призналась тут Милена юноше тому, как мужу, что грешна она была.

Призналась, что на отчине ее страшное проклятие. Когда-то было в этих землях капище древнее, Световита, да пришли христианские отцы вместе с дружиной Владимировой и пожгли то древнее капище и волхвов смерти лютой предали, и пред смертью главный Волхв Вольха, проклял всю землю, что приняла веру новую, да в сердцах призвал на землю эту Волка черного Ууммаа. И пришел на землю Уумм. И привел за собою стаю, и стал он князем ночи. И боялся кто либо в землях этих ночью выйти за порог дома своего, да и в доме, мало было надежды в живых остаться. И стали люди приносить Уумму дары, да жертвы человечьи. Но мало было

тому волку, рыскал он по ночам вместе со стаей своей и искал предначертанную ему невесту. Говорили, что невеста та зачать должна была от Уумма дитя, и родить нового Темного господина, что будет править миром, а Уумм, со стаей будет ему верным слугою. Да вот только никак не мог Уумм найти предначертанную, а пока, совершив обряд тайный, сменив личину волчью на человечесью, стал жить Уумм посередь человека, потому как упорен, да терпелив был вожак стаи перевертней.

– И что? – спросил юноша.

– Да ты еще не понял? – спросила Милена, боярская дочка. – Да тот черный волк Уумм и был мой отчим названный, а я его предначертание. И мать мою волк убил и бабуку, сердца их сожрав, и... – тут Милена раскраснелась, да замолкла.

– Что, и.. Что любая?

– Да сотворил отчим черное, понесла я от него. Убей меня муж мой, пока семя черное во мне, живы перевертни, готовые служить мне, а затем сыну проклятому моему. Убей любый!

Заплакал выюнош горячими слезами, да вонзил серебрянный клинок, прямо в сердце жены своей и испустила она дух. И начали один за другим исчезать перевертни, а вместе с ними пропал и рыжий колдовской жеребец.

И завыл тут выюнош на луну, по волчьи, и увидел, как у него шерстюга из кожи полезла, да когти на пальцах железом налились, и вонзил он и себе клинок серебрянный прямо в

сердце и умер...

*

– И что на этом твоя сказка закончилась? – Спросила Она, опираясь на свои хрупки локотки, перевернувшись в кровати со спины на живот, и глядя своими изумрудами глаз в пронзительную зелень его ответного взгляда.

– Конечно же, нет, ответил Он. – Эта сказка только еще началась...

*

После той истории прошло еще три столетия. И вот в волчьей семье родился непростой волчонок. Был он силен, да окрасом черен, был он отважен, да хитер, свиреп, да жесток, и после третьей своей весны стал вожаком стаи. И стал водить он свою стаю к людским селениям, да вот только ни скот, ни провиант какой та стая не трогала, но вот человечинкой баловалась. И как не пытались изловить да истребить ту стаю, всегда волки уходили не битыми, хитер и умен был вожак. И вот с каждой отобранной человеческой жизнью, с каждым сожраным людским сердцем, стал тот волк все более личину человеческую принимать, но хоть и стал он теперь ходить в личине людской, нутро его было звериное, и слушалась его стая не переча. Но не только голод вел черного волка, по исполнению определенного срока, стал он все чаще появляться среди людей и искать свою предначертанную, и звали того волка Ууммаа.

Но только обрел Ууммаа личину людскую, разверзлась

земля на холме у старого городища, и вылез из той земли мертвяк, полусгнивший труп, но блестели в глазах трупа синие огни, и блестело, синим в костяной деснице мертвяка серебрянное лезвие клинка. Так, как часть древнего проклятия пришел в наш мир Убийца Волка. И вынесса из леса дремучего конь рыжий, колдовской не боявшийся перевертней, и не убоился он своего нового всадника – мертвяка. И была ночь не для одного Ууммаа, и была ночь и для его Убийцы.

Долго ли коротко, нашел Уумм мать своего предначертания, и та женщина, как и три сотни лет назад была вдовою, и послала она дочку свою навестить захворавшую бабушку в соседней деревеньке, да отнести той пирожков. Жила бабушка на самой окраине деревни, уже за кромкой леса, да и день клонился к закату, вот и волновалась мать за свое дитя.

Ждет – пождет, да в окошко все поглядывает. «Не видать ли там дочкиной шапочки приметной, красной. Нет, не видать». Да вот тут стук в дверь. А на пороге стоит статный молодец, фигурой могуч, да волосом черен, да глазами зелен. Тут бы матери взволноваться, что за, мол, незнакомец к вечеру. Но незнакомец то собой был хорош, да женщина та давно одна без мужа маялась, и пустила она его в свой дом без расспросу, а затем и в постель свою пустила вдовью. Наигрался черный волк вдоволь, намиловался да убил ту женщину, съев ее сердце. Перекинулся волком, нашел дом, куда шла девочка – его предначертание, нашел ее бабушку, и ее убил, а сердце съел.

И вот сидит Уумм и ждет когда придет девочка в красной шапочке. А девочка то та, девица юная в лесу заплутала, с пути сбилася.

И вот в потемках подходит она к дому бабушки, и кличет ее, да та не отзывается. И за веревочку дергает девушка, и дверь открывается, а на пороге мужчина статный, телом могуч да волосом черен, да глазами зелен. Раскраснелась красная шапочка, застучало ее сердечко юное к любви созревшее, и забыла красная шапочка и маму и про бабушку, села за стол с кавалером неожиданным, да стала речи вести.

– Мол, откуда вы мужчина будите? Из какой семьи племени?

А человек лишь тот улыбается, да шутки шутит сердце девичье смущаючи.

Мол, из леса он дремучего, и есть он князь тайный, и слуг у него, как есть три десятка.

И не заметила красная шапочка, как в объятиях его оказалась, да зашептала голосочком взволнованным. Мол, откуда у вас глазки такие зеленые да руки могучие, и уж щечки ее девичьи от поцелуев маковым светом покрылися. Да тут сорвалась дверь с петель, и ворвался в горницу мертвец оживший, костяк на половину гниющим мясом прикрытый, и замахал тот мертвец клинком серебрянным, вскричал зычным голосом:

– Это смерть твоя пришла перевертень проклятый!

Испугалась красная шапочка и на шее черноволосого

незнакомца повисла.

– Защитите, мол, дяденька!..

А мертвец то тот пряткий ужом за спину им поднырнул, да вонзил свой клинок серебрянный прямо черноволосому парняге в спину, задергался тот, да перевернулся волком, да перевернувшись и подох. Заплакала красная шапочка и забила в угол.

Подходит к ней мертвец страшный, склоняется. Да глаголет:

– Целуй меня девица...

Заплакала еще пуще красная шапочка, но, взглянув в глаза, мертвые увидела в них человека знакомого, и вспомнила тут красная шапочка, как была когда-то девицей Миленою, и любила безумно этого вьюношу. Вспомнила, как река прорвалася, да поцеловала губы мертвеца. И превратился тут мертвец в парня молодого да статного, голубоглазого, и давай нацеловывать Миленовы губки алые. Так и заснули, милуясь, наши молодые. Да проснулся под утро вьюнош, да стал думу темную держать. «А вдруг уж понесла душа девица от волка Уумма, вдруг да принесет в мир наш светлый горе несчастье, сына своего проклятого». Подумал так вьюнош, взял клинок свой серебрянный, да и зарезал любовь свою спящую. Как только свершил он зло то добродейание, тут же полезла из него шерсть черная, и стали ногти его наливать железом, завыл он по волчьи, да вонзил свой клинок серебрянный прямо в свое сердце, да помер.

*

Девушка снова перевернулась на спину.

– И это конец сказки? – спросила Она.

– Не совсем, – ответил Он. Ты ведь сможешь мне избавиться от этого проклятого зловонного мертвеца...

– Конечно любимый. А почему он убил Ее?

– Да потому что был он трусом, и не любил, как я люблю тебя, – рыкнул Ууммаа.

Может, им показалось, но где-то посреди ночи заржал же-ребец...

*

На улице шумела февральская выюга, на дворе стоял 2009 год.

Он всех обманул

Кажется, он всех обманул. Но этого ни кто не заметил. Ничего не изменилось в этом мире, а про тот, другой – новый его мир, еще никто не знал.

*

Вместо неба – листопад. Желтые листья, распрощавшись с деревьями, кружились, заигрывая с ветром. Листья атели в смущении, оставляя деревья такими обнаженными перед грядущим приходом зимы. Осень, осень в целом мире. Желтая, местами еще зеленая, красная, сырая, серая – но так завораживающе прекрасна ее прощальная улыбка. На осень смотрели миллионы глаз, ей любовались. Окна чужих домов превращались в рамки картин – полотна Вечного художника. Ты только погляди – как красиво.

*

В его комнатенке было лишь одно окно – с ерундовым видом на свалку. Обои со стершимся рисунком, скрипучий пол и инвалидная коляска, с помощью которой он двигался по жизни. Но это вчера, а сегодня он всех обманул.

*

Ветер нежно целовал лицо, обдавая запахом соли, солнца и цветущих роз. Покатилась волна, догоняя волну – море пело. Позвав тишину, он ждал. За его спиной лежали руины древнего полиса: белый мрамор колонн, постаменты с разру-

шенными статуями богов и героев – живые камни в мертвом городе. Шаг, еще, и теплое море ласкает ноги. Появившись сзади, кто-то прикрыл ему глаза, двумя чуткими ладонями.

«Она», – с надеждой подумал Стоящий в Море Лицом к Солнцу.

– Ты узнал милый. Это я... – и эти слова нарушили его тишину.

– Я ждал... – он медленно развернулся и обнял девушку в розовом хитоне. – Закрывая глаза, я видел тебя, и теперь открыв их – рад видеть тебя снова, Веста. Имя, я назову этот мир твоим именем. Хочешь? – ответа он не услышал. Что-то было не так. Та же тишина, ветер и море нежны. Но тревога вцепилась острыми коготками в его душу и не хотела отпустить. Тревога читалась и в глазах Весты.

– Бежим, – крикнул он. Веста схватила его протянутую руку, и они побежали, быстро, как только могли, помогая друг другу. А сзади, от линии горизонта, с бешеной скоростью шли четыре водяных смерча, не оставляя за собой ничего ...

*

В дверь постучали, а потом долго и настойчиво визжал входной звонок.

– Я представитель жилищного фонда «Веста-строй-крах». Вы обязаны освободить квартиру, она продана. В случае отказа я имею юридическое право сломать дверь.

Но он ничего этого не слышал. В глазах туман, воздух рвет

легкие, ноги горят. Он бежал, бежал вместе с ней – надеясь
успеть, на ходу творя новый МИР.

*

ОН СНОВО ВСЕХ ОБМАНУЛ...

Лебединая стая

Синий лес, Деревянный замок словно вырос из земли, так растет трава и Большие деревья. Все живое в этом мире, а не только ты. Солнце мое взгляни на меня и ничего не бойся. В голубой дымке бродят Красные звери, и в их молчании больше мудрости, чем в грозном рыке. Болтливые кудрявые травы как всегда шушукаются о своем. Лучик звездный упав – отразится в пруду, и бросаются к нему серебряные тени Водяных. Кто-то хочет погреться, а кто просто посмотреть на новую игрушку, по-доброму сказать: – Здравствуй, – и плыть по своим делам дальше. В морозном по вечернему небе повис прощальный крик: – Гау..., – лебединая стая делает последний круг над Заветным лесом, улетая в другие земли.

*

Воздушные бродяги – вечно их тянет куда-то. Даже из такого тихого рая... сбежали. Манят их новые земли, новые небеса и новые звезды, но и, о, старых навсегда не забывают. Белоснежной чертой прорвали границу меж облаками и вырвались на последнем взмахе крыла под другое солнце.

*

Здесь была поздняя зима, начало весны и тоже вечер. Дикий охотник достал карабин. «Как долго он ждал». Зловещая улыбка исказила лицо изрезанное застарелыми шрамами минувших побед. Две молнии вспышки ударили в небо

одна за другой. И посыпалось с неба белое, нет, не снег – пух лебяжий, и пролилась она самая – кровь алая.

*

Гай-Я вскрикнула от боли, правое крыло как огнем обожгло. А потом – пелена в глазах и земля стала приближаться так быстро, что стало страшно.

Отчаянный Гай-Рик хотел помочь самой юной и прекрасной деве в стае, подставив свое крыло, но и сам попал под пули. Грохочущие молнии летели в небо одна за другой. Дикий охотник был сегодня одержим Смертью. Приняв нужное решение, старая Гай – Да, решила уводить стаю, бросив двоих на волю провидения. Гай-Рику помогать было поздно, а Гай-Я, закрыв глаза, потеряла сознание.

*

Обнаженная белокурая девушка лежала на снегу, закрыв глаза. Там, где натекла алая лужа, снег растаял, и на свет вырвалась зеленая трава и цветок – синяя фиалка. Как странно, что только не бывает в этом мире – под нашими звездами.

*

Костик – студент медфака с детства мечтал стать врачом и тащил в дом разную живность: птичек, собачек, кошек. За всеми этими больными он ухаживал, а когда те выздоравливали, отпускал на волю. Один раз он приволок в дом лягуху со сломанной лапкой. Отец ругался, а мать умилялась:

– А из нашего то, точно доктур вырастет.

В институте Костика считали придурком, и за глаза назы-

вали ботаником. Как же так, нельзя же жить одной учебкой, а тем более ее любить. Просто кошмар какой-то.

Сегодня Костя поздно возвращался домой. Вернее в дом тетки у которой жил во время учебы. Сходил в кино на «Титаник», тихо сидел в последнем ряду и смотрел на красивую жизнь и еще более красивую смерть. На обратном пути он решил срезать дорогу через заброшенный парк. И здесь он увидел ее...

– Девушка вам плохо?

Костя в первый раз увидел такую прекрасную.

– Вы ранены?

Он схватил ее руку и проверил пульс:

– Жива. Слава Богу, жива.

Костик сбросил дубленку и завернул в нее небесное создание. Не думая, наверное, по старой привычке, понес ее на руках домой. Только твердя про себя:

«Он ей поможет».

«Он ее вылечит».

«Ведь уже четвертый курс и он знает как».

«Вот только что тетка скажет?»», – эта мысль немного мешала.

– Горе мое. Что ты опять в дом приволок? – тетя с тоской взглянула на непутевое чадо.

– Тетя. Помните, вы спрашивали, почему у меня девушки нет. Ну, что я, странный какой-то, говорили.

– Вот.., – Костик, подойдя к кровати, приподнял край оде-

яла. Тетка не знала, как быть, падать в обморок, или сделать вид, что все нормально.

«Да ну и нравы у этой современной молодежи ... А еще таким тихоней прикидывался...»

В постели бедного студента лежала обнаженная девушка с удивительно чистыми синими фиалковыми глазами.

*

В травматологической клинике № 4 все уважали нового талантливого хирурга – Константина Петровича. Старые врачи, не стесняясь, приходили к нему за советом. Молодые сестрички напрасно бегали за ним мечтая, если не закадрить, то хотя бы просто – угодить. «Что значит талант от Бога. Мастер и как умен. Вот только странно, ему двадцать пять, а такой седой. А как безумно он любит жену.., за день по двадцать раз позвонит – узнать как она там, и после работы сразу домой».

Они ничего не знали... Просто один раз, когда Костик, вернувшись, домой увидел, как Гай-Я пытается выйти в окно их седьмого этажа... Он успел схватить ее за руку, но поседел на всю жизнь.

На улице царила осень, и птичьи стаи улетали в другие земли. После того случая Константин Петрович стал брать свой положенный отпуск только в это время. Он брал Гай-Ю за руку и не отпускал ее даже во сне, ночью. Он любил ее и, не знал, как удержать. И когда у них родились двое прелестных малышей – он боялся, что она улетит...

*

ВОТ ОПЯТЬ ОСЕНЬ.

*

Константин вернулся с работы чуть позже. Гай-И дома не было, детей тоже. Костик в ужасе бросился на улицу. Вечерело, и было уже темно, но все же он увидел их. Трое парили в метре над землей, Гай-Я и двое малышей

– Папа иди к нам. Ты сможешь . . . , – Пролепетав это, младший довольно улыбнулся.

Разбежавшись по земле, Костя бросился вверх, и замахал парой серых крыл. Белоснежной чертой, прорвав границу меж облаками, на последнем взмахе крыла, вырвались четверо счастливых под другое солнце.

*

Синий лес, Деревянный замок словно вырос из – под земли, так растет трава и Большие деревья. Это их новый дом, он ждал их всегда. Все живое в этом мире, а не только ты. Солнце мое взгляни на меня, и ничего не бойся. В голубой дымке бродят Красные звери и в их молчании больше мудрости, чем в грозном рыке. Болтливые кудрявые травы как всегда шушукаются о своем. Лучик звездный упав, отразится в пруду, и бросятся к нему серебряные тени Водяных. Кто хочет погреться, а кто-то просто посмотреть на новую игрушку, по-доброму сказать:

– Здравствуй, – и плыть по своим делам дальше.

В морозном, по-вечернему небе повис прощальный крик:

– Гау ...

Лебединая стая делала последний круг над Заветным лесом, улетаю в другие земли ...

Я всегда буду рядом

Бездомный кот Мурлыкыч был вполне доволен своей кошачьей жизнью. Собранных по помойкам пустых бутылок после сдачи хватало на еду и кружечку пива по вторникам. А еще в этой жизни были душевные песни с друзьями. В самую лунную ночь у мусорных баков собиралась отличная компания: Тихий Плут, Одноглазый Мярг, Обжора Пухлый. Петь никто из них не умел, ну уж очень любили они тянуть свое:

– Мя – я – я ... – доводя до белого коленья и синих чертиков жителей всех близлежащих домов.

После хорошей песни и пачки Беломора – пущенной по кругу щедрым Мяргом, Пухлый, как всегда начинал замогильным голосом рассказывать страшные байки. Сегодня он поведал нашим друзьям, историю о Злых ловчих, которые, выскакивая из ниоткуда с большими металлическими сачками – ловят бедных кошек и делают из них чучел.

– Не надо. Не рассказывай, – захныкал Тихий Плут, прикрывая белоснежную мордашку обеими лапками.

– Не бойсь, парень. Все это сказки, – Мурлыкыч по родительски похлопал беднягу Плута по плечу и сладко зевнул, вытянув дугою спину.

*

Липкий желтый туман появился как-то вдруг, совсем

неожиданно, расплзаясь по всему городу, – заполнил узкие кривые улочки. Вокруг была ночь, и мало кому удалось полюбоваться на эту прихоть природы. И кажется, тяжелые шаркающие шаги пришли в город вместе с туманом – они приближались со всех сторон сразу.

«Что это? Часть тумана, жуткий сон?», – Мурлыкыч думал так, пока в воздухе разрывая густую пелену, не мелькнул огромный металлический сачок.

– Ловчие ..! – Захлебываясь своим страхом, закричал Обжора Пухлый. Раздалось тихое: – Мя..., – и шлепок, это Тихий Плут рухнул в обморок.

– Мярг, Пухлый! Хватайте Плута. Надо уходить. Быстро..., – Мурлыкыч пытался разглядеть знакомые улицы, но все вокруг изменилось и стало совсем чужим.

– Мур, иди за мной. Я помогу..., – Голос был очень знакомый, но почему-то встревожил Мурлыкыча больше, чем появление самих Злых ловчих.

– Мур, – так называла его только она одна – Кэт. Но вот уже три года ее нет. Кэт, Кэтти, Его котеночек – она погибла в тот черный день под колесами новенького «Лексуса». И вот сейчас она зовет за собой, и нужно спасать друзей. Мур верил всегда своей Кэт и пошел на ее голос не думая.

– Подожди Мур, где-то здесь должна быть дыра... Туда, быстрее любимый. И о Боже – тише, – голос Кэт дрожал от напряжения.

– Спасибо милая, – шепнул Мур.

– С кем ты там все время разговариваешь? – нервно мяркнул очухавшийся Тихий Плут. Мурлыкыч вовремя успел оттащить глупого кота от входа в их убежище. Тяжелые шаркающие шаги ловчих прогрохотали совсем рядом.

– Мур, а теперь вы должны бежать. Не спрашивай, время уходит. Бегите на мой голос. Я помогу, – это снова была она... Как Мурлыкыч верил Кэтти, так друзья, не размышляя, доверялись Папаше Мурлыкычу. И поэтому поспешили туда – за ним ...

*

... и вот, конец тумана. Шелест зеленой листвы на лесном пригорке и солнце не за горами. Ушли ночные кошмары – развеялись в прах. Мурлыкыч стоял устало, прислонившись к стволу старой елки, а рядом мерцала серебром, чудесная кошечка.

– Ты уйдешь? – спросил Мурлыкыч.

– Да..., – прозвучало в ответ.

– Я тебя больше никогда не увижу? – кот вжавшись головой в древесный шершавый ствол и полузакрыв глаза.

– Нет, милый, только позови. Я всегда буду рядом ...

*

Когда Мур открыл глаза, ее уже не было. Но теперь кот знал, что его Кэт будет с ним навсегда.

Черный треугольник (В поисках Анны)

– Где он? И зачем ..? , – все было неважно. В голове четыре буквы ее имени.

– Анна .., – шептал перебирая губами в молитве поседевший мужчина – со статью последнего из героев.

– Чья Анна? – спрашивал ветер, завывая в пустынных подворотнях голодным псом.

– Моя Анна.., – молча отвечал Идущий Посреди Метели. Его глаза излучали то редкое тепло, которое способна зажечь лишь истинная любовь. Глаза рожденного под знойным небом Кастилии, эти голубые глаза присыпало снегом – страны Унылого прошлого. Тяжелый бархатный плащ – цвета молчания, подбитый бурым лисом, плохо защищал от февральского холода, но в чистоте воздуха был уже привкус Весны. От этой мысли сердце в груди начинало биться сильнее, разгоняя алую сублимацию жизни по малахитово-хрустальным венам. И застывшая кривая улыбка – бывшая для благородного Жуана формой насмешки над дурнушкой судьбой, начинала медленно таять, – разглаживая на лице волны застарелых морщин.

Весна не умирающая надежда – знания о том, что эти мытарства, по придуманному ослепленными людьми Време-

ни – закончатся ... и он великий НЕ любовник, а ВЛЮБ-
ЛЕННЫЙ – дон Жуан Кастильский, встретит, наконец, свою
единственную любовь.

Мысли Жуана прервал чей-то насмешливый голос:

– Ты плут. У тебя было столько женщин, что даже я устала
считать. А я, между прочим – Вечность. Кого из них ты мо-
жешь назвать своей любовью? Кого из нескольких сотен? –
Вечность печально вздохнула, – Ох уж эти мужчины. Все вы
Козлы ...

– Да ты не понимаешь! – возмутился поседевший путник
со статью последнего из героев.

Я всегда любил только одну Анну. Во всех этих женщинах
я любил только ее. У прелестной Китти был ее смех. У ры-
жей Мэри – вдовы Толобского священника, ее глаза. У пас-
тушки Мойры – умение слушать. А у сеньориты Агнес – ма-
нера удивляться простым вещам. Бох мой – она была точно
ребенок.

Познав жизнь как женщину, собрав весь букет целиком, я
понял – что нужно любить один цветок. Во всех в них я уже
любил только ее.

Что-то зашуршало и грохнуло – обиженно и раздасован-
но:

– А мне то что? Люби хоть самого себя, или вон свою гряз-
ную тень. Мне по ветру. Я же Вечность, а ты ... а ты так –
прилипло что-то к подошве.

– Простите благородная донна. Я не прав, – дон Жуан по-

пытался исправить – возможно, нанесенное оскорбление. Но Вечность молчала.

Ох уж эти женщины...

Все же дон Жуан был невыносимо благороден, и когда услышал крики о помощи в ночи, поспешил на помощь. Хоть учила его судьба ... мало, не прогнулся последний из героев.

*

В пределах взгляда – совсем рядом, в глухом переулке без света – избивали человека. Мелькали резиновые палки и черная кирза ботинок. Обступившие лежащего на земле – звери, надсадно хрипели – уже успев устать от своего тяжелого дела. Люди в форме – которым доверили власть, на лакавшись ею как дешевой бодягой, чувствовали себя Свободными псами – которым глупые хозяева навсегда доверили приглядывать за тупым стадом безответных баранов. Зажмурившись, Жуан взглянул сквозь тьму. Били его ...

Тогда в недавнем – 1918 – Анна ошиблась ровно на год. И он, найдя ее – потерял, не успев даже объясниться. А началось все с той непонятной – граничащей с безумием, уверенности ... Уверенности в том, что донна Анна, непременно будет ждать – его дон Жуана Кастильского, в России, рано утром, на углу у маленькой православной церквушки, той, что рядом с березовой рощей – 19 февраля. Жуан, кляня себя последним из безумцев, пришел к назначенному месту еще до рассвета, и ждал в темноте.

Что могло привлечь революционный патруль в одиноко

стоящем человеке?

Не смейтесь. Возможно, бархатный плащ, подбитый бурым лисом, широкий берет с павлиньим пером и болтающаяся у его ног шпага.

– Гей, братки. А что за шушера тут сховалась? Глядь буржуйская сволочь как набычился. Закурить есть? – пьяный хриплый басок принадлежал прыщавому верзиле, одетому в форму балтийского матроса – который не знал, что будет еще Кронштанд. Рядом с балтийцем стояли стеною еще трое, звероватого вида – в грязных солдатских шинелях. У всей четверки к месту – где у человека должно находится сердце, был прикреплен милый бантик – цвета свежее – пролитой крови.

Сеньоры, что вам нужно? Я к вашим услугам ..,– Жуан предчувствуя самое худшее приготовился выхватить шпагу. Но сделать этого не успел, его по предательски ударили прикладом винтовки сзади, а потом с наслаждением запинывали ногами обутыми в черный кирзач. Уже теряя сознание, дон Жуан увидел свою Анну и закричал:

– Анна! Я нашел тебя Анна!..

В глазах девушки, прятанной за стволом белой русской березки было удивление, непонятная тоска, но не узнавание:

– Простите сеньор ... Я Марина ..,– бросила она, пытаясь убежать из этого проклятого места.

Тогда в морозном воздухе появился первый глоток Весны. Это была Анна – донна его сердца.

У подобия человека – с ног до головы затянутого в черную кожу, было лицо каменного Командора, и единственное слово, которое он из себя выдавил – ударило как пуля:

– Расстрелять.

Расстреливали дон Жуана на рассвете, в ком-то подвале.

– Вы что-то имеете сказать? – спросил его моложавый поляк в пенсне, и военной форме без знаков различия.

– Прошу, не завязывайте мне глаза, – попросил дон Жуан, еле ворочая распухшими от побоев губами.

И все же, когда тупо смотрящая в его лицо солдатня, передернула затворы винтовок, дон Жуан закричал, порвав голосовые связки:

– Вы можете меня убить, но не отнимите – мою заветную мечту. Мою Анну.

Глупо вышло. Почему-то он не мог умереть. В который раз...

Наконец дон Жуан решил, обратится к Богу. Служитель Господа – отец Николай, объяснил Жуану, что его Анна так чиста ... что сейчас на небесах. А он дон – Великий грешник, лишь взяв посох пилигрима, живя во имя Спасителя – сможет попасть к своей любимой, т.е. умереть.

Шел 1941 год. И женщина с замученным лицом спрашивала батюшку Фому:

– Святой отец, если какой-либо мужчина обманывал много женщин, прелюбодействовал и постоянно дрался на дуэлях... Куда он попадет?

– В ад моя бедная, – отвечал святой отец.

«И самоубийцы то же в ад ..», – подумала Марина (донна Анна). А потом она повесилась, обманув только нас – спеша к любимому.

*

По черной выжженной пустыне шла женщина – босая и неприкаянная, нашептывая про себя невесть откуда взявшиеся стихи:

Черти смеются и тащат нас в ад.

Самоубийцы – про нас говорят.

Но нам на эти слова наплевать,

Просто нам так захотелось летать ...

Она запнулась о белесую кость, торчащую из земли, прикрыла глаза и начала читать уже с другого места:

Будем в аду мы друг друга любить ...

Черти в испуге начали выть!

Черти действительно выли, и Сатана распорядился выгнать ее на Небо. Но и там странная женщина задержалась недолго – ее сослали на землю, жить дальше.

Не знал всего этого дон Жуан, он в это время, обойдя полмира ... с посохом, взял в руки автомат – сражаясь за свободу Испании на стороне партизан. Однажды ему показалось, что он, наконец, нашел Анну. Но шла война, и он снова не успел ей все объяснить. Всего несколько урывков, той настоящей любви. Дон Жуан погиб, взрывая мост. После смерти он продолжил свой поиск. Ходили дурацкие слухи, что Жуа-

на видели рядом с Че Геварой на острове Свободы. Говорили даже, что в некоем далеком государстве – когда американские рейнджеры, перебив отряд сопротивления, брали товарища Че, дон Жуан напичканный свинцовым дождем пытался помочь мятежной душе, но был оглушен другим – местным туземцем Матуку, с помощью обычной бамбуковой палки. Так дон Жуану не дали умереть еще раз. Но это все слухи. А время бежало ...

*

И вот год 2004. Февраль, но в воздухе Весна – даже если ее всего один глоток. Там, где нет света – избивают человека. Сейчас бьют, кого-то другого, но он должен вмешаться. Ведь он дон Жуан:

– Сеньоры, разве так можно? Я, к вашим услугам .., – он выхватил шпагу. Что-то вспыхнувшее в глазах Жуана напугало до смерти четырех вооруженных людей – облеченных властью, они подернувшись рябью растворились в сумерках небытия, не оставив даже следов.

Ну что ж, если так, – ухмыльнулся дон Жуан помогая подняться лежащему на земле.

Благородному герою захотелось напиться. По желанию предполагаемого клиента рядом загорелась вывеска «**БАР ТОРРЕРО**». Бар оказался для голубых, но Жуана это лишь развеселило. Он хотел напиться, а где не имело значения. Заглянувшая в бар ближе к трем ночи случайная девушка, почему-то сразу подошла к столику занимаемому доном Жу-

аном. Не задавая лишних вопросов она предложила себя на ночь.

– Как твое имя прекрасная сеньора? – спросил наш герой.

– Я та – кого ты захочешь, – ответила незнакомка.

Дон Жуан ухмыльнулся:

– Пойдем Кармен ...

В эту ночь он был грешен. В эту ночь он был нежен и безумно щедр. Его умелые ласки возносили на небеса. Кармен кричала, Кармен рыдала. Кармен смеялась и мечтала, как умрет – когда он уйдет. А когда он ушел, оставив на постели пару зеленых сотенных купюр, проститутка назвавшаяся этой ночью Кармен, решила завязать ...

*

Шел год 2008, или вообще черт знает какой... год Новой России.

... и зачем она уговорила мужа провести отпуск в Испании. В стране Унылого прошлого она так устала от вечной зимы.

А еще этой женщине вдруг показалось, что там, в Испании ее кто-то ищет и ждет.

Но ведь это смешно.

Муж предлагал лететь на Канары, и они разругались.

– Откуда эта тоска?..

Флора Маринина, будучи красивой и безумно богатой не была счастлива. В ее беспокойных снах грезился ей какой-то мужчина: со статью последнего из героев, седой – в тяжелом

плаще из бархата, цвета молчания – подбитым бурым лисом, этот незнакомец со шпагой, в широком берете с павлиньим пером. Этот подлец, не давал бедной Флоре жить как все...

*

Вечность стояла. Вечность бежала. Вечность смеялась и плакала, ведь она тоже была женщиной, и по секрету, безумно любила дон Жуана Кастильского.

*

Задумчивая девушка Марина, двадцати пяти лет, писала на клочке бумаги такие стихи:

И была у Дон – Жуана – шпага,

И была у Дон – Жуана – Донна Анна.

Вот и все, что люди мне сказали

О прекрасном, о несчастном Дон – Жуане.

Но сегодня я была умна:

Ровно в полночь вышла на дорогу.

Кто-то шел со мною в ногу,

Называя имена.

И белел в тумане посох странный ...

Не было у Дон – Жуана – Донны Анны!

*

На улице гулял май 1917 года.

Он и Она ошиблись на ... ВЕЧНОСТЬ.

ЧЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК ...